

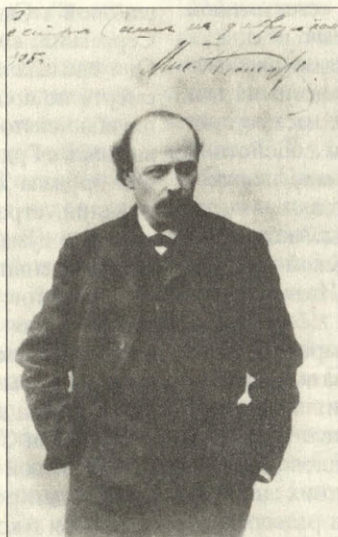
Хороша моя родина!

Воспоминания М.В.Нестерова

В тихий весенний вечер 19 мая 1862 года в Уфе в купеческой семье Нестеровых произошло событие: появился на свет божий новый член семьи. Этим новым членом нестеровской семьи и был я. Меня назвали Михаилом в честь дела Михаила Михайловича Ростовцева.<...>

Первыми моими впечатлениями, относящимися годам к трем, помнится, было семейное торжество: отец с матерью уехали на свадьбу, к моему крестному отцу Василию Степановичу Губанову, уфимскому городскому голове. Крестный выдавал свою дочь Лизаньку за сына новоиспеченного богатея Чижева, прозванного работавшими у него бурлаками "Казна". И вот, помню я, как во сне: зимний вечер, мы с сестрой остались в горницах с няней. Сидим в столовой за круглым столом, я леплю какие-то фигурки не то из воска, не то из теста. Мы с сестрой ждем приезда родителей со свадьбы, ждем гостинцев, которыми, бывало, наделили гостей в таких случаях. Гостинцев мы в тот вечер так и не дождались – заснули. Получили их на другой день утром. Чего-чего тут не было: каких конфет в таких нарядных бумажках, золотых и серебряных, с кружевами и картинками! Некоторые долго сохранялись у нас в семье. <...>

Еще помнится такое. Ранняя весна, Пасха. Посмотришь из залы в окно или выскочишь, бывало, за ворота, что там творится? А там празднично разряженный народ движется по улице к качелям. Еще задолго до Пасхи, бывало, станут возить на нашу площадь бревна, сваливать их поближе к "Аллейкам" – значит пришла пора строить балаганы, качели и проч. К первому дню Пасхи все готово и действует с шумом, с гамом, с музыкой. Народ валит туда валом. Солнце

светит особенно ярко. В воздухе несется радостный пасхальный звон. Все веселится, радуется, как умеет.

К воспоминаниям моего раннего детства относится чрезвычайное событие – приезд в Уфу из Оренбурга начальника Оренбургского края, генерал-адъютанта Крыжановского, того самого, который позднее был смещен, судим по делу о расхищении башкирских земель.

Слух о приезде важного сановника быстро облетел город, и мы, дети, с кем-то из старших ждем предстоящего зрелища на балконе нашего дома. Задолго до приезда около соседнего с нами Дворянского собрания начал собираться народ. Подъезжали разные мундирные господа, скакали казаки и проч., и, наконец, в облаках пыли показалась вереница экипажей. Впереди – полицмейстер Мистров, стоя, держась за пояс кучера, летел сломя голову, а за ним следовал огромный дорожный дормез, кажется, шестериком. В тот же момент появились в подъезде высшие члены города – белый как лунь тучный предводитель дворянства Стобусус и другие. Военный караул от-

дал честь. Из дормеза вылез важный генерал. Тишина, напряжение необычайное, и генерал-губернатор в сопровождении губернатора и свиты проследовал в подъезд. Самое интересное кончилось, однако народ еще оставался, чтобы продлить удовольствие. Как во сне чудится мне тот же дом Дворянского собрания, около него стоит пестрая будка (николаевская, черная с белым и красным), у будки на часах стоит солдат с алебардой, в каске и с тесаком на белом ремне. От этого моего воспоминания остается у меня до сих пор какой-то привкус "николаевской эпохи". Однако, когда я уже взрослым пытался проверить это впечатление, мне никто из старших моих не мог подтвердить возможность такого зрелища. Как, каким образом оно у меня сложилось так реально в моей памяти – не могу себе объяснить. Повторяю, что целая эпоха мысленно в чувстве моем встает передо мной в связи с этим воспоминанием.<...>

Вот и еще осеннее удовольствие: это рубка капусты... Стук тяпок раздавался целый день по двору, и тут, как и летом, при варке варенья, было необыкновенно приятно получить сладкий кочанок. В этом кочанке была какая-то особая осенняя прелесть... После рубки капусты мы терпеливо ожидали в горницах, и все реже и реже на дворе, первого снега, первых морозов... В конце октября и чаще в ноябре выпадал снег, и скоро устанавливался санный путь. Еще задолго кучер Алексей начинал возиться в каретнике, передвигая экипажи: коляска, тарантас, плетенка задвигались в дальние углы, а на первом плане появлялись так называемые "желтые" сани, "маленькие санки", "большие дышловые" с крытым верхом и медвежьей полостью. Делалась для

нас, детей, гора, появлялись салазки. И я в длинной шубке с барашковым воротником, в цветном поясе, в валенках и серой каракулевой шапке и варежках катался с горы или делал снежных баб. Морозы нас не пугали, хотя в те времена они и были в Уфе лютые. В праздники мать приказывала запрячь лошадей и, забрав нас, выезжала покататься по Казанской. Помню ее в атласном салопе с собольим воротником с хвостами и в “индейской” дорожке шали. Зимние катанья и гулянья особенно многолюдны бывали на масляной неделе и в Крешенье. В Крешенье был обычный крестный ход на водосвятие из старого Троицкого собора (от Троицы) на Белую, а после обеда, часа в три-четыре, вся Уфа выезжала на Казанскую, самую большую улицу города, идущую от центра до реки Белой. Улица эта широкая, удобная для катанья в два-три ряда. Каких саней, упряжек, рысаков и иноходцев не увидишь, бывало, в эти дни на Казанской!

Зимой в феврале бывала в Уфе ярмарка. После Всероссийской нижегородской шии местные: Ирбитская, Мензелинская, наша – Уфимская. К известному времени приводились в порядок так называемые “ярмарочные ряды” – деревянные лавки, заколоченные в продолжение десяти месяцев в году. Они оживали на полтора-два месяца. Почти все купцы, в том числе и мой отец, на эти два месяца перебирались на ярмарку. Так повелось уже издавна. Мы, дети, этого времени ждали с особым нетерпением, и оно всякий год казалось нам чем-нибудь по-новому. Погода в феврале бывала хорошая, ровная. Иногда шел снежок, а морозов мы не боялись. <...>

В одно из первых воскресений по открытии ярмарки мы с матерью отправлялись к отцу “на новоселье”. До центра, до Главного ряда, где торговал отец, добраться было делом нелегким. По пути так много было разнообразных впечатлений, столько раз приходилось останавливаться очарованным то тем, то другим. Проходили мимо ряда балаганов, где на балконе, несмотря на мороз, лицедействовали и дед, и девица в трико, и сам “Зрилкин”, без которого не обходилась ни одна окрестная ярмарка, ни одно дере-

венское празднество. Зрилкин был душой народных увеселений. Тут, конечно, был и знаменитый Петрушка. Вот и книжные ряды – здесь тоже захватывающе интересно. Развешаны лубочные картинки: “Еруслан Лазаревич”, “Как мыши kota хоронили”, генералы на конях, по бокам которых так славно прошли кармином, а по лицу Паскевича Эриванского медянкой. Мать совершенно выбилась из сил с нами. Здесь навалены на прилавке книжки, одна другой занимательнее. Тут и “Фома дровосек”, “Барон Мюнхгаузен”, да чего, чего здесь только нет!.. Но вот, наконец, и Главный ряд. Вот разукрашенная коврами лавка Пенны – первого конкурента отца, тоже галантерейщика, а напротив и наша, тоже разукрашенная, но беднее. На коврах самые разнообразные сюжеты – от одалисок и турок с кальяном в чалмах до бедуина на белом коне. В дверях стоит отец, какой-то обновленный, “ярмарочный”, в длинной шубе, подпоясанной пестрым кушаком, углы бобрового воротника “по-ярмарочному” загнуты внутрь; он в валенках. Он доволен нашим приходом, приглашает нас войти в лавку, и мы чувствуем себя гостями. Мимо лавки толпы гуляющих. Медленно они двигаются. Нарядные купчихи, их дочки, такие румяные, счастливые, с ними галантные кавалеры. А в воздухе повисли сотни разнообразных звуков. Тут мальчишки свистят в свистульки, в трубы, слышны нежные звуки баульчиков и проч. и проч. Какая разнообразная и дикая музыка.<...>

Помню, зимой отец, вернувшись домой, сообщил нам, что вечером мы поедем в театр. Это была для меня, восьми-девятилетнего мальчугана, новость совершенно неожиданная. Вот пришел вечер, и нас повезли. Театр настоящий, всамделишный. Мы сидим в ложе. Перед глазами нарисованный занавес. Он поднялся, и я, прикованный к сцене, обомлел от неожиданности... Передо мной был настоящий лес, настоящий еловый лес. Валил хлопьями снег. Снег был повсюду, как живой. В лесу бедная девушка – все ее несчастные переживания тотчас же отозвались в маленьком, впечатлительном сердечке. Шла “Параша-сибирячка”. Что я

пережил с этой несчастной Парашей! Как все было трогательно: и горе Параше, и лес, и глубокий снег, – все казалось мне более действительным, чем сама действительность, и, быть может, именно здесь впервые зародились во мне некоторые мои художественные пристрастия, откровения. Долго, очень долго бредил я “Парашей-сибирячкой”. Не прошла и она в моей жизни бесследно.<...>

А как хороши были поездки с матерью за Белую!.. На тарантасе – мать, мы с сестрой, брали и еще кого-нибудь с собой. Брали на всякий случай небольшие корзинки, бурачки. Ехали плашкоутным мостом через Белую на ее луговую сторону. На реке в теплый вечер масса купающихся, стоит особый гул. Вот выехали мы на Стерлитамакский тракт. Дивный воздух, по бокам дороги стоят гигантские осокори. Нам разрешено встать с тарантаса, побегать. Мы собираем осколки осокоря, они легко режутся, из них выходят такие славы кораблики... Едем дальше. Цель поездки – не только подышать чистым воздухом, но и набрать черемухи, которой уродилось множество. Мы наломали ее целые кусты, так немилосердно покалечили злосчастное дерево. Хорошо, что для него это проходит бесследно: на тот год оно еще пышной зацветет, а ягод будет опять видимо-невидимо. Усталые, возвращаемся уже в сумерках домой. Ужинаем и, довольные, идем спать. А там, если будем хорошо вести себя, нам обещают новую прогулку – на Чертово городище, на Шихан. Отсюда и село Богородское видно! Там в двух шагах и мужской монастырь, где спасаются десятка два стариков монахов, рыболовов. Какие дали оттуда видны! Там начало предгорий Урала. И такая сладкая тоска овладевает, когда глядишь в эти манящие дали!

Хорош Божий мир! Хороша моя родина! И как мне было не полюбить ее так, и жалко, что не удалось ей отдать больше внимания, сил, изобразить все красоты ее, тем самым помочь полюбить и другим мою родину.

Печатается с сокращением по книге: М.В.Нестеров. Давние дни. М., 1959.